

Право на реабилитацию в контексте права на исполнение судебного решения

Т. М. Алексеева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Алексеева, Татьяна М. 2024. «Право на реабилитацию в контексте права на исполнение судебного решения». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 35–48. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.103>

В статье исследуется право на возмещение причиненного реабилитированному лицу вреда в связи с принципом исполнимости вступившего в законную силу судебного решения и сроками пересмотра судебных актов, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Право на реабилитацию рассматривается в его соотношении с правом на законно установленный размер возмещения причиненного вреда. Со ссылками на практику высших судебных инстанций автор показывает, что принцип исполнимости судебных решений о выплатах лицам, пострадавшим от незаконного уголовного преследования и осуждения, является важнейшей гарантией. Кроме того, существование в уголовно-процессуальном законодательстве РФ пределов, ограничивающих во времени возможность пересмотра окончательных судебных решений о выплатах по процедуре реабилитации, должно служить одним из основных способов, обеспечивающих данное право. В результате исследования автор пришел к выводам, согласно которым неотъемлемой составляющей права на реабилитацию в рамках уголовного процесса РФ является размер причиненного реабилитированному лицу вреда — материальный аспект данного права. Вместе с тем право на заявленный размер имущественного вреда и морального ущерба не является абсолютным, и при наличии разумных сомнений оно должно проверяться в судебном разбирательстве. При отмене или изменении вступивших в законную силу судебных решений, особенно в исключительных производствах, требуется строгое следование принципу правовой определенности, неотъемлемой составляющей которого выступает право на исполнимость судебного решения о выплатах реабилитированным и возмещении им ущерба. По мнению автора, необходимо установить в УПК РФ конкретный срок, в течение которого суд кассационной инстанции правомочен принять решение, если оно ухудшает положение реабилитированного лица.

Ключевые слова: уголовный процесс, реабилитация, размер вреда, исполнимость судебного решения, разумный срок, кассационная инстанция.

1. Введение

Право как достижение разумной цивилизации играет системообразующую роль в благополучии человека. В наибольшей степени значение права должно проявляться в восстановлении нарушенных интересов личности, пострадавшей от необоснованного уголовного преследования и осуждения, поэтому институт реабилитации в уголовном судопроизводстве занимает определяющее место. Вместе

с тем существующее правовое регулирование зачастую не позволяет реабилитированному лицу в полной мере воспользоваться причитающимся ему возмещением. Связано это в числе прочего с тем, что нормативные положения о восстановлении прав пострадавших от незаконного уголовного преследования лиц не являются эффективным средством правовой защиты, в частности это касается порядка исполнения судебных решений о возмещении вреда таким лицам и пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в отношении них. Значительную роль в восстановлении нарушенных прав личности занимают правовые позиции и практика высших судов Российской Федерации и межгосударственных органов по защите прав и свобод. В связи с этим анализ постановлений и определений Конституционного Суда РФ (КС РФ), а также решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ, Страсбургский суд) вызывает постоянный интерес для ученых и юристов.

Как следует из основ философии, практика — это сторона предметной деятельности, характеризующаяся изменением и преобразованием природы и общества. Будучи зависимой от практики, теория активно воздействует на практическую деятельность. В единстве теории и практики осуществляется целостная предметная деятельность освоения мира человеком (Блауберг, Пантин 1979, 247–248). В связи с этим для раскрытия предмета настоящей статьи автор обращается к изучению и анализу судебных решений, принятых инстанциями различного уровня, в том числе недавно принятого Постановления КС РФ от 23.09.2021 № 41-П «По делу о проверке конституционности п. 4 ч. 1 ст. 135, ст. 401⁶ и п. 1 ч. 2 ст. 401¹⁰ Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина А. П. Атрощенко»¹ (далее — Постановление № 41-П).

2. Основное исследование

2.1. Право на реабилитацию и размер возмещения причиненного вреда

Право на реабилитацию толкуется ЕСПЧ в двух основных значениях. Согласно первому значению, реабилитация — это определенная *компенсация*, которую необходимо соответствующим образом рассчитать. При данном подходе принимаются во внимание, помимо прочего, такие критерии, как личное физическое или нравственное страдание лица. Однако какого-либо единого стандарта расчета такой компенсации не существует. При этом национальные суды обязаны в своих решениях приводить достаточные мотивы, оправдывающие ту или иную сумму компенсации вреда, присуждаемую заявителю. Такая позиция ЕСПЧ выражена в Постановлении от 18.03.2010 по делу «Максимов (Maksimov) против России» (жалоба № 43233/02) и в новейших решениях Страсбургского суда, которые будут рассмотрены ниже.

Второе значение термина «реабилитация», используемое ЕСПЧ, в том числе в новейших решениях, например в Постановлении от 09.02.2021 по делу «Рамазан Демир против Турции (Ramazan Demir v. Turkey)» (жалоба № 68550/17), означает

¹ Здесь и далее все ссылки на российские, советские и международные нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 25 января, 2024. <http://www.consultant.ru>.

реинтеграцию осужденных, при которой от государства требуется оказание всей возможной помощи заключенным по созданию и поддержанию отношений с людьми, находящимися вне мест лишения свободы, т. е. социальную реабилитацию, а также право осужденных выбирать место отбывания наказания².

В настоящей статье термин «реабилитация» рассматривается именно как компенсация вреда, присуждаемая пострадавшему от незаконного уголовного преследования лицу, в толковании ЕСПЧ в соответствии с первым значением.

Согласно ст. 53 Конституции РФ, каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Праву граждан на реабилитацию в уголовном судопроизводстве и порядку его реализации посвящена гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ). В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ (ВС РФ) от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм гл. 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (далее — Постановление № 17), под реабилитацией в уголовном судопроизводстве понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и *возмещения причиненного ему вреда*.

В научной литературе общепринято, например, что «реабилитация — важнейший институт уголовного процесса, предполагающий возмещение имущественного и морального вреда, а также восстановление *различных прав* лица, которого необоснованно подвергли уголовному преследованию или к которому были необоснованно применены меры уголовно-процессуального принуждения. Значимость реабилитации сложно переоценить: лицо, которого подвергли незаконному преследованию, получает реальную возможность восстановить свое доброе имя в глазах окружающих и получить *компенсацию* (здесь и далее курсив в цитатах мой. — А. Т.)» (Низамов 2016, 213). Под реабилитацией также понимается снятие бремени незаконного процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого (осужденного). Содержанием же реабилитации (путем ее осуществления) является прекращение незаконного уголовного преследования лица либо его оправдание (Попов 2012а). При этом возмещение такого рода вреда предлагается принимать как *неотъемлемую составляющую часть* собственно реабилитации» (Попов 2012а).

Вместе с тем имеется точка зрения, согласно которой возмещение ущерба — это уже не реабилитация, а другой межотраслевой институт, который регулируется ст. 1069 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) (Петрухин 2009), однако позволим себе не согласиться с этим мнением. Полагаем, что данное принципиальное положение (о возмещении причиненного уголовным преследованием вреда и его размере) является одной из *составляющих* права на реабилитацию и отражает его (права)

² См., напр.: Постановления ЕСПЧ от 07.03.2017 по делу «Полякова и другие (Polyakova and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 35090/09 и три других) (об этом постановлении см.: «Обзор судебной практики Верховного Суда РФ». 2019. *Бюллетень Верховного Суда РФ* 1); от 02.06.2020 по делу «Н. Т. (N. T.) против Российской Федерации» (жалоба № 14727/11).

Об этом значении термин «реабилитация» см. также: «Обзор судебной практики Верховного Суда РФ». 2021. *Бюллетень Верховного Суда РФ* 5; Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека 2021 г. Подготовлен Верховным Судом РФ.

Реинтеграция осужденных как социальная реабилитация, безусловно, требует отдельного исследования.

материальный аспект, а именно цену, денежное выражение и иную стоимостную характеристику³. Данное положение подтверждается и позициями высших судов. В Российской Федерации, как указал КС РФ, нет специальных правил, которые позволяли бы судам по своему усмотрению уменьшать размер возмещения вреда исходя из доказанного в судебном заседании размера действительно понесенных реабилитированным расходов. «Названные нормы обязывают суд включить в *объеме возмещения* имущественного вреда, причиненного лицу в результате неправомерного уголовного преследования, все суммы, фактически выплаченные им за оказание юридической помощи, а также фактически понесенные им затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации»⁴. Что касается морального вреда, то п. 21 Постановления № 17 предусмотрено, что при определении *размера* денежной компенсации морального вреда реабилитированному судам необходимо учитывать степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, иные заслуживающие внимания обстоятельства, в том числе продолжительность судопроизводства, длительность и условия содержания под стражей, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, и другие обстоятельства, имеющие значение при определении размера компенсации морального вреда, а также требования разумности и справедливости. Таким образом, размер возмещения ущерба — это составляющая права на реабилитацию.

Вместе с тем данное право может быть ограничено ввиду того, например, что судом будет установлено несоответствие заявленной суммы понесенных расходов действительной стоимости юридических услуг в пределах рыночных значений, существовавших на момент ее оказания. В данном случае действует правило о толковании сомнений в *пользу* реабилитированного, что также означает, что государство не вправе требовать от лиц, попавших под уголовное преследование, осуществления права на получение юридической помощи по какой-то определенной стоимости этих услуг. Однако высокая стоимость адвокатской помощи не может служить поводом к сокращению объема прав реабилитированного на возмещение причиненного ему вреда. Тем не менее очевидно, что такие критерии (низкая/высокая стоимость) являются достаточно оценочными. Эта позиция нашла отражение в Постановлении № 41-П⁵.

Кроме того, согласно п. 15 Постановления № 17, при определении *размера* сумм, подлежащих взысканию в пользу реабилитированного за оказание юридической помощи, судам следует учитывать, что положения ч. 1 ст. 50 УПК РФ не ограничивают количество защитников, которые могут осуществлять защиту одного обвиняемого, подсудимого или осужденного. Размер возмещения вреда за оказание юри-

³ В условиях цифровизации открываются широкие горизонты в связи с использованием цифровой валюты. Проблема возмещения вреда реабилитированному в условиях цифровизации нуждается в отдельном исследовании. О проблемах цифровизации см., напр.: (Ситник 2020; Долгиева 2021).

⁴ Определение КС РФ от 02.04.2015 № 708-О «По запросу Сьюмсинского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений п. 4 и 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ».

⁵ См. также: Определения КС РФ от 02.11.2011 № 1463-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Денисенко Людмилы Ивановны на нарушение ее конституционных прав ст. 1069 и 1070 ГК РФ»; от 02.07.2013 № 1058-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Морозовой Лидии Викторовны на нарушение ее конституционных прав абз. 3 ст. 1100 ГК РФ»; и др.

дической помощи определяется подтвержденными материалами дела фактически понесенными расходами, непосредственно связанными с ее осуществлением.

В юридической литературе также указывается, что «истец обязан предоставить квитанции и чеки об оплате услуг по оказанию юридической помощи». При этом каких-либо требований «разумности» расходов на юридическую помощь уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает (Низамов 2016, 219).

В соответствии с Постановлением № 17, под *иными расходами*, возмещение которых реабилитированному предусмотрено п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, следует понимать как расходы, которые понесены реабилитированным лицом непосредственно в ходе уголовного преследования, так и расходы, понесенные им в целях устранения последствий незаконного или необоснованного уголовного преследования, включая затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации, восстановления здоровья и др.

В связи с этим в литературе нередко ставится вопрос о возмещении вреда, причиненного органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Большинство юристов склоняется к тому, что такой вред может быть возмещен только в порядке гражданского судопроизводства. Кроме того, Федеральный закон от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает случаи, когда такой вред вообще не подлежит возмещению (Коршунов 2017, 32).

Тезис о том, что размер возмещения причиненного уголовным преследованием вреда как таковой является одной из *составляющих* права на реабилитацию и отражает его материальный аспект, подтверждается и правовыми позициями ЕСПЧ. Так, в Постановлении от 08.10.2019 «Манелюк (Maneluk) и другие против Российской Федерации» Страсбургский суд напомнил, что «статус заявителя как “жертвы” может зависеть от *уровня* компенсации, присужденной на национальном уровне, с учетом фактов, на которые он или она жалуется в Суде»⁶. В Постановлении по делу «Максимов (Maksimov) против Российской Федерации» заслуживает внимания особое мнение судей ЕСПЧ:

Мы учитываем тот факт, что задача *расчета размера* компенсации является сложной. Она особенно трудна в деле, предметом которого выступает личное страдание, физическое или нравственное. Не существует стандарта, позволяющего измерить в денежных средствах боль, физическое неудобство и нравственное страдание и тоску... Подчеркивая значение *разумной суммы* справедливой компенсации, присуждаемой в рамках национальной системы, ЕСПЧ неоднократно указывал, что национальные суды пользуются более широкими пределами усмотрения при оценке суммы выплачиваемой компенсации... Таким образом, основной вопрос заключается в *обосновании* национальными судами *компенсации*, присужденной в деле заявителя. В этом отношении районный и региональный суды *не привели мотивов*, оправдывающих сумму компенсации, присужденную заявителю. Решения национальных судов не позволяют установить, какие *вопросы* суды приняли во внимание, какие национальные *стандарты* компенсации они использовали или какие *методы расчета* применили при определении размера компенсации⁷.

⁶ Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека. 2020. Подготовлен ВС РФ. Дата обращения 25 января, 2024. <http://www.vsrfg.ru>.

⁷ Совместное частично несовпадающее особое мнение судей Шпильманна и Малинверни (фамилии приводятся без имен согласно неофициальному переводу).

Кроме того, в данном ключе следует и новейшая практика ВС РФ⁸. Так, согласно определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 02.02.2021 № 2-КГ20-9-К3, 2-5377/2019, дело направлено на новое апелляционное рассмотрение, поскольку «выводы судов об определении *размера* подлежащей взысканию компенсации морального вреда не отвечают нормативным положениям, регулирующим вопросы компенсации морального вреда и определения ее размера, а также разъяснениям Пленума ВС РФ по их применению и *актам толкования ЕСПЧ*». Кроме того, в данном определении Судебная коллегия ссылается на рассмотренное выше постановление ЕСПЧ от 18.03.2010 по делу «Максимов (Maksimov) против России». В данном случае суды не исследовали обстоятельства причинения *ущерба деловой репутации истца*, обстоятельства причинения такого ущерба. «Выводы судов об определении *размера* взыскиваемой суммы компенсации морального вреда в нарушение норм материального права об основаниях, принципах и критериях определения размера компенсации морального вреда не мотивированы».

В практике имеются и иные случаи. Например, дело было направлено на новое апелляционное рассмотрение, так как судом при определении *размера* компенсации морального вреда не учтена невозможность участвовать в выборах, что существенно ограничило права истца, отразилось на его общественно-политической деятельности, поскольку он являлся членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса⁹. Другое дело было направлено на новое рассмотрение, поскольку при определении размера компенсации не были учтены особенности уголовного преследования, продолжавшегося длительный период, меры процессуального принуждения, что отразилось на личной, семейной жизни, характеристике истца по месту работы¹⁰.

Таким образом, *размер* причиненного реабилитированному лицу вреда в рамках уголовного преследования выступает *неотъемлемой составляющей* права на реабилитацию и представляет материальный аспект данного права. При расчете размера имущественного ущерба и морального вреда одновременно необходимо учитывать все возможные обстоятельства и приведенные аргументы пострадавшего лица. Для того чтобы средство правовой защиты реабилитированного лица признавалось эффективным, судам требуется в обязательном порядке мотивировать свои решения относительно конкретного размера возмещения вреда реабилитированному. Однако само по себе право на заявленный размер имущественного ущерба и морального вреда следует признавать оспоримым, не абсолютным, поскольку категория *размера* как таковая должна быть проверена доказательственным путем в судебном заседании. Данный вывод автора подтверждается правовыми позициями ЕСПЧ относительно права на справедливое судебное разбирательство и практикой российских судов.

⁸ См., напр.: Постановления Президиума ВС РФ от 03.03.2021 № 158П20; от 26.05.2021 № 215П20; от 21.07.2021 № 126П21.

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 08.06.2021 № 82-КГ21-3-К7, 2-7803/2019.

¹⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 02.02.2021 № 45-КГ20-25-К7.

2.2. Принцип исполнимости решений о выплатах реабилитированным лицам

Как было отмечено выше, сам размер причиненного уголовным преследованием вреда находится в материальной сфере правоотношений по реабилитации, поэтому и его *процессуальная* составляющая равнозначна важна. Известно, что без процесса материя права не является действующим механизмом. Таковым следует признать саму процедуру (процесс) подобного возмещения, его адекватность. Следовательно, принцип исполнимости решения о возмещении выплатах реабилитированным в данном случае складывается из двух критериев: 1) быстрое установление размера причиненного вреда; 2) непосредственное его возмещение. Однако именно со второй составляющей могут возникать сложности (что следует в том числе из вводной части Постановления № 41-П), несмотря на изначально быстрое определение правильного размера, подлежащего возмещению.

Важнейшей гарантией данной процессуальной составляющей выступает сам принцип исполнимости судебных актов, признаваемый не только ЕСПЧ, высшими судебными инстанциями РФ, но и юридической наукой (Алексеева 2016). Согласно правовым позициям ЕСПЧ, основной задачей в области стандартов правосудия является обеспечение для каждого именно процессуальной справедливости, однако эти стандарты все еще не освоены российской системой правосудия (Морщакова 2012, 19). Правовые позиции ЕСПЧ относительно принципа исполнимости судебных актов конкретизируются в его решениях. Например, в Постановлении по делу «Максимов (Maksimov) против Российской Федерации» Страсбургский суд отметил:

Требования ст. 13 Конвенции¹¹ имеют форму *гарантии*, а не простого заявления о намерениях или практических мер. *Исполнимость решений* принадлежит к числу требований ст. 13 Конвенции. В то время как признание нарушения может составлять некоторую степень возмещения и удовлетворения, если меры возмещения не будут исполнены, нельзя утверждать, что заявитель получил возмещение *иначе как на бумаге*... Конвенция должна толковаться таким образом, чтобы гарантировать права, которые являются практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными. Это также относится к праву, воплощенному в ст. 13 Конвенции. ЕСПЧ уже не раз указывал, что понятие эффективного средства правовой защиты с точки зрения ст. 13 Конвенции требует, чтобы средство правовой защиты *могло повлечь* присуждение справедливой и разумной компенсации, соразмерной причиненному ущербу.

Кроме того, Страсбургский суд уделяет большое внимание принципу правовой определенности, который необходимо рассматривать в совокупности с принципом исполнимости судебного решения. Так, с учетом эволюционного толкования ЕСПЧ положений ст. 6 Конвенции правовая определенность судебных решений — это самостоятельный межотраслевой процессуальный принцип, означающий положение, согласно которому отмена (изменение) приговора, иного судебного решения,

¹¹ Здесь и далее имеется в виду Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заклучена в г. Риме 04.11.1950) вместе с Протоколом № 1, Протоколом № 4, Протоколом № 7.

вступившего в законную силу, не допускается (принцип *res judicata*) (Алексеева 2016, 195). Однако данный принцип не является абсолютным — ЕСПЧ много раз отмечал, что в вопросах обжалования необходимо различать «обычные» и «экстраординарные» средства правовой защиты, вновь подтверждая *необходимость обеспечения* соблюдения принципа правовой определенности, если решение было отменено в результате использования «экстраординарного» средства правовой защиты¹².

По поводу исполнения судебного решения о выплатах реабилитированным КС РФ в Постановлении № 41-П также указал (со ссылкой предыдущие свои определения и постановления): пересмотр вступивших в законную силу судебных актов (в том числе по вопросам реабилитации в уголовном процессе) — это дополнительный, резервный способ обеспечения их законности, что означает, по сути, возможность преодоления их окончательности. Законодатель должен учитывать требование неопровержимости окончательных судебных решений. О значимости данного принципа свидетельствует то, что КС РФ постоянно опирается на практику ЕСПЧ, решения которого стали уже своего рода постулатами, в том числе в Постановлении № 41-П: «Недопустимо неограниченное расширение оснований преодоления *res judicata*, которыми могут быть лишь существенные нарушения, свидетельствующие о ненадлежащем отправлении правосудия (Постановления ЕСПЧ от 24.07.2003 по делу “Рябых против России”, от 18.11.2004 по делу “Праведная против России” и др.)».

В своей практике ВС РФ также использует в целях мотивировки решений принципы, выработанные ЕСПЧ. Например, в Определении ВС РФ от 12.02.2021 № 304-ЭС20-23438 указано, что, согласно ЕСПЧ, судебные решения должны оставаться окончательными (Постановление ЕСПЧ от 28.10.1999 по делу «Брумареску против Румынии»). Также обращается внимание на недопустимость возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств при отсутствии таких нарушений закона, которые повлияли на исход уголовного дела¹³, при этом данный принцип имеет межотраслевое значение¹⁴.

Вместе с тем, как отмечается в публицистике, право на реабилитацию нередко возникает у лиц, которые умышленно берут на себя ответственность за не совершенное ими преступление либо за преступление, которое вообще не совершалось, входя в преступный сговор с другими участниками уголовного судопроизводства. В этом случае, по мнению отдельных исследователей, требуется внести изменения в уголовно-процессуальный закон и предусмотреть исключения, когда суд, следователь, дознаватель не должны признавать право на реабилитацию, поскольку, несмотря на наличие процессуальных оснований для признания лица реабилитированным, фактических оснований для признания лица реабилитированным нет (Хайдаров 2020).

¹² Постановление ЕСПЧ от 08.07.2019 по делу «Михалаке (Mihalache) против Румынии».

¹³ Постановления Президиума ВС РФ от 02.06.2021 № 205-П20; от 18.11.2020 № 126П20; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 09.06.2021 № 88-9050/2021.

¹⁴ См., напр.: Определение ВС РФ от 12.11.2021 № 305-ЭС21-20706; Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 05.07.2021 № 36-КГ21-1-К2; Апелляционное определение Московского городского суда от 30.09.2021 № 33-39361/2021; Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 29.10.2021 № 88-8292/2021; Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.04.2020 № 16-2062/2020.

Данное предложение, на наш взгляд, неоспоримо. Так, в своей аргументации А. А. Хайдаров ссылается на ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», согласно которой ущерб не подлежит возмещению, если гражданин в процессе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства путем самооговора препятствовал установлению истины. Однако заметим, что в Определении КС РФ от 21.04.2005 № 242-О разъяснено, что данный документ может применяться *лишь во взаимосвязи* с положениями гл. 18 УПК РФ, а также с положениями ст. 1070 и § 4 гл. 59 ГК РФ. Таким образом, представляется, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 подлежит применению лишь при непротиворечии действующему уголовно-процессуальному закону, тем не менее в настоящий момент такие противоречия как раз имеются. Кроме того, поскольку случаи самооговора могут иметь *разную* природу, полагаем, что нужно установить точные критерии определения тех случаев, в которых вред не подлежит возмещению. Именно это и разъясняет Пленум ВС РФ в Постановлении № 17: указанный нормативный акт СССР и другие акты «могут учитываться судами при разрешении вопросов о реабилитации лишь в части, не противоречащей федеральным законам РФ». В обоснование изложенного приведем точку зрения В. С. Попова: «Возмещение причиненного вреда во всех таких случаях не может быть чем-то обусловленным, кроме уголовно-процессуального *решения* о признании соответствующих действий, бездействия и решений органов, ведущих уголовный процесс, противоправными и об отмене незаконных решений. В том числе возмещение вреда не должно ставиться в зависимость от процессуального статуса пострадавшего лица, характера признанных незаконными действий (бездействия) и решений государственного органа и его должностного лица» (Попов 2012b, 190).

С исполнимостью судебных решений о выплатах реабилитированным связана еще одна проблема: часто при оплате услуг защитника в качестве нанимателя указывается не лицо, которого реабилитировали, а его родственники и члены семьи, возникают коллизии при возмещении материального ущерба. Также становится сложно в полной мере удовлетворить иск реабилитированного лица в сфере компенсации денежных средств, которые были уплачены *по указанию* реабилитированного его близкими родственниками и иными доверенными лицами за предоставленную юридическую помощь (Часовникова 2020). Отдельные разъяснения о выплатах родственникам и членам семьи реабилитированных даны ВС РФ в п. 24 Постановления № 17. Данные положения касаются возмещения *имущественного* вреда *в порядке наследования*. При этом право на компенсацию *морального* вреда в денежном выражении, поскольку оно неразрывно связано с личностью реабилитированного, не входит в состав наследства. Однако присужденная реабилитированному лицу, но не полученная им при жизни денежная компенсация морального вреда входит в состав наследства.

Кроме того, в УПК РФ (ч. 1¹ ст. 239) в июле 2021 г. внесены изменения, согласно которым прекращение уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость деяния были *устранены новым уголовным законом*, допускается только с согласия

обвиняемого. В случае, если обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела по указанному основанию, судебное разбирательство продолжается в обычном порядке¹⁵. В связи с этим полагаем что правила о реабилитации и возмещении причиненного вреда не распространяются на данных лиц, поскольку прекращение уголовного дела (освобождение от наказания) в указанном случае само по себе *не является свидетельством* незаконности или необоснованности уголовного преследования. Однако, как разъяснил ВС РФ в п. 5 Постановления № 17, если уголовное дело было возбуждено, *несмотря на наличие* указанных выше обстоятельств, либо вред причинен вследствие *продолжения* уголовного преследования после возникновения или установления таких обстоятельств, за исключением случаев продолжения уголовного преследования в связи с возражением лица против его прекращения по данным основаниям, лицо имеет право на возмещение вреда в порядке гл. 18 УПК РФ. Если суд в ходе судебного разбирательства придет к выводу о наличии оснований для *оправдания* лица, возражавшего против прекращения уголовного дела по *нереабилитирующему* основанию, то *это лицо подлежит реабилитации*. Думается, что данные разъяснения ВС РФ применимы и к ч. 1¹ ст. 239 УПК РФ¹⁶.

Учитывая изложенное в настоящем разделе статьи, отметим, что при принятии судами решений о выплате возмещения реабилитированным, при обжаловании данных решений (особенно в экстраординарных производствах) справедливое судебное разбирательство требует *соблюдения принципа исполнимости* судебного решения о выплатах реабилитированным. Данный принцип неотделим от принципа правовой определенности и, следовательно, в данном значении является его *процессуальной составляющей*. Исполнимость решений не должна быть декларативной, а соответствующее возмещение должно быть *реальным* и соответствовать практике ЕСПЧ как по *суммам* возмещения, так и по *эффективности* механизма исполнения судебных актов. Лица, претендующие на получение возмещения, определяются исходя из их статуса как «жертвы» в понимании ЕСПЧ, однако в отечественном правовом поле регулирование субъектов реабилитации не столь однозначно.

2.3. Наличие временных пределов для пересмотра судебных актов в отношении реабилитированных лиц

К процессуальной составляющей права на реабилитацию следует отнести и *период времени*, в течение которого может быть пересмотрен вступивший в законную силу судебный акт о возмещении причиненного уголовным преследованием вреда. Данное положение отражено также в Постановлении № 41-П: КС РФ пришел к выводу, что отсутствие в процессуальном законе правил, препятствующих ухудшению положения реабилитированного, которому на основании вступившего в законную силу решения суда были выплачены суммы в счет возмещения расходов на оплату юридической помощи, являет собою признак конституционно значимого пробела в законодательстве; таким образом, ст. 401⁶ УПК РФ не соответствует Конституции РФ, ее ст. 21 (ч. 1), 48 и 53, в той мере, в какой в системе действующего

¹⁵ Федеральный закон от 01.07.2021 № 294-ФЗ «О внесении изменений в ст. 239 и 254 УПК РФ».

¹⁶ Тема субъектов, претендующих на реабилитационные выплаты, требует отдельного исследования. Однако рассмотрение отдельных вопросов в данной работе, на наш взгляд, было необходимо в контексте принципа исполнимости судебного решения.

правового регулирования *не ограничивает период* с момента вступления в силу судебного акта о возмещении реабилитированному расходов на оплату юридической помощи, в течение которого может быть принято решение суда кассационной инстанции о пересмотре этого акта, влекущее поворот его исполнения и *возврат* приговоренных реабилитированному сумм.

Согласно ст. 401⁶ УПК РФ, пересмотр в кассационном порядке судебных актов по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, *не превышающий одного года* со дня их вступления в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. В свою очередь, КС РФ неоднократно ссылался на то, что никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком длительный срок, а *наличие сроков*, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступать неблагоприятные последствия, представляет собой необходимое условие применения этих последствий¹⁷.

Положение реабилитированного лица должно быть предметом особого внимания со стороны государства, поскольку он претерпел неблагоприятные последствия именно от государственной деятельности. И. Л. Петрухин справедливо отмечал, что для обвиняемого оправдательный приговор — это в то же время тяжелые воспоминания о днях и годах, проведенных за решеткой, о домогательствах и требованиях следователя признать вину, об обысках в жилище, позоре на работе и осложнениях в семье (Петрухин 2009). Представляется, что неопределенность сроков пересмотра судебного решения о выплате реабилитированному лицу также является дополнительным бременем для пострадавшего от несправедливого уголовного преследования лица.

В этом контексте ЕСПЧ в Постановлении от 08.07.2019 по делу «Михалаке (Mihalache) против Румынии» указывает, что как материальное, так и процессуальное законодательство страны должно соответствовать принципу правовой определенности, который требует, чтобы сфера действия средства правовой защиты была ограничена *четкими временными рамками*. Иными словами, средство правовой защиты должно действовать таким образом, чтобы вносить ясность относительно того, в какой *момент* решение становится окончательным. Закон, предоставляющий одной из сторон *неограниченные* пределы усмотрения относительно использования определенного средства правовой защиты, не соответствует такому принципу. В своей практике ВС РФ также старается следовать указанным международным стандартам¹⁸. Как обоснованно отмечается в литературе, требуются постоянная модернизация и повышение эффективности в восстановлении прав и свобод лица, в отношении которого они были нарушены (Часовникова 2020).

Таким образом, для принятия судом кассационной инстанции решения, *ухудшающего положение реабилитированного* по сравнению с установленным решениями предшествующих инстанций, необходимо установить *конкретный срок*, в течение которого такой судебный акт может быть пересмотрен. В любом случае, согласно

¹⁷ См., напр.: Постановления КС РФ от 20.06.1999 № 12-П, от 27.04.2001 № 7-П, от 24.06.2009 № 11-П; и др.

¹⁸ Определение ВС РФ от 16.07.2020 № 301-ЭС20-5798. См. также: «Обзор судебной практики Верховного Суда РФ». 2021. *Бюллетень Верховного Суда РФ* 5.

конституционно-правовому смыслу, он не может быть больше одного года в рамках предусмотренного правового регулирования ст. 401⁶ УПК РФ. Представляется, однако, что данный период является слишком длительным ввиду соотношения его с указанным выше принципом правовой определенности и с учетом того, что речь идет об исключительных производствах, поскольку в данном случае составляющей данного принципа является именно срок как таковой, прежде всего его разумность, практическая, соответствие назначению уголовного судопроизводства и международным стандартам. Полагаем, что срок в один год не отвечает таким требованиям. Рассуждения относительно сроков обжалования в экстраординарных порядках не только в связи с ухудшением положения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, постоянно становятся предметом дискуссий, однако законодатель зачастую слишком непоследовательно меняет свое мнение. Так, согласно последним изменениям в УПК РФ, право на кассационное обжалование ограничено шестью месяцами¹⁹. Представляется, что данный срок может быть признан разумным. Однако при внесении в Государственную Думу РФ проекта федерального закона данный срок предполагался равным двум месяцам²⁰. Такая «игра» с процессуальными сроками ничего хорошего не несет, а только свидетельствует о недостатках данного механизма.

3. Выводы

Право на реабилитацию в отечественном уголовном процессе, по мнению автора, необходимо рассматривать с точки зрения двух равнозначных составляющих: материальной и процессуальной. В материальной плоскости реабилитация в уголовном процессе неотделима от права на размер возмещения причиненного вреда, устанавливаемый в соответствии с процессуальным законодательством РФ. Вместе с тем право на заявленный размер имущественного ущерба и морального вреда не является абсолютным. Процессуальной составляющей права на реабилитацию выступает принцип исполнимости судебных решений о выплатах реабилитированным лицам. Кроме того, пределы, ограничивающие во времени возможность пересмотра окончательных судебных решений о выплатах реабилитированным, также относятся к процессуальной части. В своей совокупности процессуальная составляющая служит гарантией реализации материальной составляющей.

При пересмотре судебных решений в исключительных производствах, особенно в случаях ухудшения положения реабилитированного по сравнению с тем, которое было установлено нижестоящей судебной инстанцией, необходимо соблюдать принцип исполнимости судебного решения о выплатах реабилитированным лицам и возмещении им ущерба, который является составной частью принципа правовой определенности. В контексте толкования Страсбургского суда, если государством соблюдаются оба названных принципа, то такое правосудие признается эффективным средством правовой защиты.

Представляется, что в целях пересмотра окончательных и вступивших в законную силу судебных решений, ухудшающих положение реабилитированного лица,

¹⁹ Федеральный закон от 24.02.2021 № 15-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ». Заметим, что данное правило относится к «сплошной» кассации.

²⁰ Постановление Пленума ВС РФ от 10.12.2019 № 54 «О внесении в Государственную Думу РФ проекта федерального закона “О внесении изменений в УПК РФ”».

в отечественном уголовно-процессуальном законе следует установить шестимесячный срок для такого пересмотра (на наш взгляд, он может быть менее, но не более шести месяцев), при этом более длительный период возможного обжалования судебного акта не отвечает требованиям справедливого правосудия.

Библиография

- Алексеева, Татьяна М. 2016. *Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы*. М.: Юрлитинформ.
- Блауберг, Игорь В., Игорь К. Пантин. 1979. *Краткий словарь по философии*. М.: Политиздат.
- Долгиева, Мадина М. 2021. «Легализация криптовалюты: судебная практика». *Законность* 3: 50–54.
- Коршунов, Артем В. 2017. «Вопросы реабилитации в уголовном процессе России». *Научный портал МВД России* 1: 29–32.
- Морщакова, Тамара Г., ред. 2012. *Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики)*. М.: Мысль.
- Низамов, Вячеслав Ю. 2016. «Институт реабилитации в уголовном процессе: проблемы применения и перспективы развития». *Ленинградский юридический журнал* 3 (45): 213–222.
- Петрухин, Игорь Л. 2009. *Оправдательный приговор и право на реабилитацию*. М.: Проспект. Дата обращения 6 апреля, 2023. https://royallib.com/read/petruhin_i/opravdatelnyy_prigovor_i_pravo_na_reabilitatsiyu_monografiya.html#61440.
- Попов, Валерий С. 2012а. «Реабилитация в уголовном процессе: о ее сущности и содержании». *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал* 4: 35–39.
- Попов, Валерий С. 2012б. «Уголовно-правовая реабилитация или возмещение вреда, незаконно причиненного органами, осуществлявшими производство по уголовному делу». *Пробелы в российском законодательстве* 1: 189–193.
- Ситник, Александр А. 2020. «Цифровые валюты: проблемы правового регулирования». *Актуальные проблемы российского права* 11: 103–113.
- Хайдаров, Альберт А. 2020. «Реабилитация в уголовном процессе: парадоксы практики». *Законность* 3: 62–64.
- Часовникова, Ольга Г. 2020. «Реабилитация и иное возмещение вреда в уголовном процессе». *Журнал правовых и экономических исследований* 4: 159–162.

Статья поступила в редакцию 14 декабря 2021 г.;
рекомендована к печати 2 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Алексеева Татьяна Михайловна — канд. юрид. наук, доц.; t.alekseeva@spbu.ru

The right to rehabilitation in the context of the right to enforce a court decision

T. M. Alekseeva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Alekseeva, Tatiyna M. 2024. “Grounds and purposes of the investigative inspection in criminal proceedings”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 35–48.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.103> (In Russian)

The purpose of this article is to study the right to compensation for damage caused to a rehabilitated person in connection with the principle of enforceability of a court decision that has entered into legal force and the terms of review of judicial acts provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The right to rehabilitation is considered in its relation to the right to a legally established amount of compensation for the damage caused. The author, with reference to the practice of higher judicial instances, substantiates that the

principle of enforceability of court decisions on payments to persons affected by unlawful criminal prosecution and conviction is the most important guarantee. In addition, the existence of limits in the criminal procedure legislation of the Russian Federation that limit in time the possibility of reviewing final court decisions on payments under the rehabilitation procedure should serve as one of the main ways to ensure this right. As a result of this study, the author came to the following conclusions. An integral component of the right to rehabilitation in the framework of the criminal procedure of the Russian Federation is the amount of harm caused to the rehabilitated person — the material aspect of this right. At the same time, the right to the declared amount of property damage and moral damage is not absolute, and if there are reasonable doubts, it should be checked in court proceedings. When canceling or changing court decisions that have entered into force, especially in exceptional proceedings, strict adherence to the principle of legal certainty is required, an integral component of which is the right to enforceability of a court decision on payments to rehabilitated persons and compensation for damage to them. In the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, according to the author, it is necessary to establish a specific period during which the court of cassation instance is authorized to make a decision if it worsens the situation of the rehabilitated person.

Keywords: criminal proceedings, rehabilitation, harm's amount, a court decision's enforceability, reasonable time, cassation instance.

References

- Alekseeva, Tatiyna M. 2016. *Legal certainty of judicial decisions in criminal proceedings: Concept, meaning and limits*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)
- Blauberg, Igor' V., Igor' K. Pantin. 1979. *A short dictionary of philosophy*. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian)
- Chasovnikova, Ol'ga G. 2020. "Rehabilitation and other compensation for harm in criminal proceedings". *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy* 4: 159–162. (In Russian)
- Dolgueva, Madina M. 2021. "Cryptocurrency legalization: Judicial practice". *Zakonnost'* 3: 50–54. (In Russian)
- Khaidarov, Al'bert A. 2020. "Rehabilitation in criminal proceedings: paradoxes of practice". *Zakonnost'* 3: 62–64. (In Russian)
- Korshunov, Artem V. 2017. "Issues of rehabilitation in the criminal process of Russia". *Nauchnyi portal MVD Rossii* 1: 29–32. (In Russian)
- Morshchakova, Tamara G. ed. 2012. *Fair justice standards (international and national practices)*. Moscow, Mysl' Publ. (In Russian)
- Nizamov, Viacheslav Iu. 2016. "Institute of rehabilitation in criminal proceedings: Problems of application and prospects of development". *Leningradskii iuridicheskii zhurnal* 3 (45): 213–222. (In Russian)
- Petrukhin, Igor' L. 2009. *Acquittal and the right to rehabilitation*. Mpscow, Prospekt Publ. Accessed April 6, 2023. https://royallib.com/read/petruhin_i/opravdatelnyy_prigovor_i_pravo_na_reabilitatsiyu_monografiya.html61440. (In Russian)
- Popov, Valerii S. 2012a. "Rehabilitation in criminal proceedings: About its essence and content". *Biznes v zakone. Ekonomiko-iuridicheskii zhurnal* 4: 35–39. (In Russian)
- Popov, Valerii S. 2012b. "Criminal-legal rehabilitation or compensation for damage unlawfully caused by the bodies that carried out the proceedings in a criminal case". *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* 1: 189–193. (In Russian)
- Sitnik, Aleksandr A. 2020. "Digital currencies: Problems of legal regulation". *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* 11: 103–113. (In Russian)

Received: December 14, 2021

Accepted: November 2, 2023

Author's information:

Tatiyna M. Alexeeva — PhD in Law, Associate Professor; t.alekseeva@spbu.ru